

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В стремлении к политическим переменам миллионы американцев и жителей Европы, начиная с 1960-х гг., стали участниками трех социальных движений - черного освободительного за гражданские права, антивоенного и нового феминистского. Последнее, перемежая успехи и неудачи в достижении персональных и социальных перемен, как ни одно другое, обогатило интеллектуальный багаж, внесло кардинальные изменения в сознание и образ жизни американского и европейского общества, сравнимые только с результатами широкого движения за гражданские права чернокожего населения США. В широком смысле, адресат феминизма - общество в целом, к которому он обращает свою основную политическую рекомендацию, - следует отказаться от жестких иерархий, использовать методы ненасилия, сотрудничеству, кооперации и заботы о тех, кто оказался на общественной периферии, потому что по разным причинам (пол, раса, класс, религия, возраст, физическое состояние, сексуальная ориентация) попал в категорию «другого», не соответствует канону, являющемуся мерилом «нормы».

Бурное развитие движения женщин, начиная со второй половины 1960-х гг. в североамериканских и европейских странах, сопровождалось формированием философии и идеологии феминизма, ставшего его теоретической базой. Начав с критики теорий «естественной субординации» и подчиненного статуса женщин, феминисты отвели гендеру центральное место в анализе структур власти, политических, социальных и культурных институтов, моделей идеологического воздействия. Повторный всплеск женского движения инициировал академические дебаты по многим проблемам истории и современного состояния общества, исследование которых в феминистском дискурсе приобрело совершенно новую окраску. До того, как поднятые феминистами вопросы стали предметом всестороннего обсуждения, анализ дифференциации общества по принципу пола/гендера не проводился, работы в области политологии, социологии едва упоминали женщин*. Если субъект политики, в качестве которого традиционно выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то политическое участие женщин (которое было действительно минимальным в силу принудительного разведения по разные стороны женщин и политики) и их политическое поведение (которое в качестве избирателей копировало мужское) не изучались. Практически не исследовалась также роль женщин в сферах, где они были наиболее «видимыми», - в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства семьи: серьезная наука отдавала предпочтение исследованию статусных сфер с преимущественным преобладанием мужчин. В «дофеминистский» период значительно более узкое толкование понятий политики и политического не оставляло места для женщин. Должен был состояться интеллектуальный прорыв для деконструкции традиционного знания и привычного подхода к изучению общества. Множество «частных» тем, которые касались женщин, стали не только статусными, но и приобрели совершенно иное звучание в феминистском дискурсе.

Развитие относящихся к женщинам исследований в политической науке характеризуется парадигмой: полная невидимость, ограниченная видимость, видимость. Устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практическое полное игнорирование их в политических исследованиях. И несмотря на то, что женщины участвовали, как в годы французской революции конца XVIII века, особенными и уникальными способами в революционных трансформациях современного мира, этот факт не находил должного понимания у политологов. Исключение составили лишь труды, посвященные великим женщинам масштаба княгини Ольги, национальной героини Франции Жанны Д'Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-

Ирина Чикалова

кандидат исторических наук, доцент Белгородского университета, руководитель Минского центра гендерных исследований, Женский институт «ЭНВИЛА»

Терезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике.

Большинство теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать во властных структурах, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Соответственно женщины и «женское» были спрятаны в политической теории и в историях политической мысли, написанных с позиции андроцентризма. Концепция, которая структурировала политический дискурс в классический период, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и приватного пространств. Начиная с древних греков, концептуальное разведение их отражало классическое понимание приватной области домохозяйства (oikos, или сфера репродукции) и экономики (polis, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку иерархические отношения рассматривались в качестве естественных правил в частной сфере, соответственно, исключение женщин из публичной сферы опиралось на их «естественную» неспособность пре-

ступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Поскольку женщины ассоциировались с приватной подчиненной сферой, они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь; публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них. Даже в Новое время либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины. Питавшаяся идеями либерализма, великая французская революция конца XVIII в. оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала. Разделение между «правителями» и «управляемыми» становилось очевидно социогендерным. Поскольку женщин замыкали в семейной сфере, а в хозяйственной жизни наделяли подчиненной ролью, они функционально были исключены из зоны политической, социальной и экономической свободы; публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них. Политика, по определению, стала миром, в котором правили и имели голос только мужчины.

Рост феминистского движения и необходимость инкорпорировать демократические идеалы в научную теорию, привлекли внимание к важности постановки вопросов, связанных с репрезентацией женских интересов. И, тем не менее, не взирая на растущий, начиная с 1970-е гг., в геометрической прогрессии объем феминистских исследований в политических науках, центральный дискурс политической теории долгое время оставался нетронутым. Она продолжала конструироваться таким образом, как будто женщины и их интересы как группы, концептуально несовместимы с политическим дискурсом. Еще точнее, теоретики определяли политическую территорию в терминах «отсутствия» гендера. Женщины, говоря словами Джин Элштейн, оставались открыто бессловесны, будучи исключенными даже из словаря политики. Таким образом, в само определение политики были вписаны предпосылки, исключающие женское участие в публичной жизни: интересы женщин признавались важными лишь в плане достижения некоей особой женской «добродетельности» [1].

Вместе с концептуализацией категории гендера в сферу интересов общественных наук был включен комплекс тем, посвященных политическому участию женщин. Феминистская ревизия политической теории началась с переформулировки, введения новых исследовательских задач и их компонентов, например:

- был сделан вызов конвенциональным определениям политики;
- был поставлен новый вопрос, каким образом гендер конструирует женский политический опыт, и как раса, этничность, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание;
- стали исследоваться как взаимопереплетения социальных отношений женщин в семье, на рабочем месте, коммунах влияют на выработку форм сопротивления и соглашений;
- были сделаны попытки поместить действия общественных орга-

* В рамках марксистской историографии следует отметить две классические работы - Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и А. Бебеля «Женщина и социализм», которые в исторической ретроспективе анализируют причины подчиненного статуса женщины. Поскольку женщины-работницы утратили капиталистической системой в той же степени, что и мужчины, а женщина разделяет принадлежность к разным классам, постольку не существует единых специфически женских интересов, отличных от классовых. Объединение женщин из разных социальных слоев возможно только для борьбы за преобразование капиталистического общества в социалистическое.

низаций (grassroots activism) в контекст более широкого политического и экономического процесса;

● стали анализироваться взаимоотношения между женской политической практикой и политической теорией.

Центральной для феминизма стала деконструкция подхода к определению политической территории и политики. Поскольку отчетливо разделенные между собой «публичная» и вторичная по отношению к ней «приватная» сферы стали основными территориями жизни мужчин и женщин в патриархальном обществе, одной из главных в феминистской теории стала проблема взаимодействия между ними, и в связи с этим ставилось под сомнение традиционное определение политики. В классической политологии существует тенденция определять ее в качестве целенаправленной деятельности, ограниченной рамками особой публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Развернувшаяся в 1970-е гг. дискуссия радикальные феминистки предложили расширить «политическую территорию» за счет включения в нее частного пространства жизни и перенести акцент в определении политики на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой» [2]. В применении к проблеме взаимоотношения полов в обществе Кейт Миллетт развивает тезис о том, что они являются политическими в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на социально сконструированном различии и противопоставлении полов. Одним из проявлений этого является монополизация мужчинами основных ключевых позиций в политико-властных структурах. Разделение человеческого бытия на сферы общественной и частной жизни, с одной стороны, закрепляет мужское доминирование в обществе, с другой стороны, существует, из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утвердившихся между полами. В-третьих, оно нужно, чтобы скрыть властные взаимозависимости между мужчинами и женщинами.

Таким образом, понятие политика радикальными феминистками стало трактоваться предельно широко – как все действия в сфере современной социальной и культурной жизни. Поэтому любая женская акция, направленная против дискурса патриархальной культуры, воспринимается как политический поступок, поскольку всегда ставит под сомнение основы и принципы функционирования существующих институтов и практик, призывает к их переосмыслению и символизирует собой акт преодоления властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры. Отсюда – основная политическая формула радикальных феминисток и, по-существу, основной лозунг второй волны феминизма – «все личное есть политическое». Поместив в свой центральный слоган утверждение о прямой связи между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами, заботами и социальными переменами, феминистки кардинально расширили саму политическую повестку. Проблемы, прежде рассматриваемые исключительно в качестве «приватных» женских, – аборт, репродуктивные права, насилие в отношении женщин, сексуальное преследование, забота о детях, домашняя работа стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий. Признание того, что персональное является политическим, упразднило искусственное разделение жизненного и политического пространства на публичное и приватное. Оно также бросало вызов наложению идеологического ограничения на политику, сводящего ее к узкому миру выборов, кандидатов и их лоббистов.

Центральной для феминистского определения политики стала предложенная в 1980-е гг. концепция обретения/осознания силы (empowerment). Мужчины, утверждают феминистки, видят власть, как власть над (power over), как возможность влиять или доминировать, в то время как женщины видят ее как обретение/осознание силы для (empowerment to). Термин empowerment используется ими для описания власти, уполномочивающей для, в отличие от власти над кем-либо. Поэтому они проводят различие между термином empowerment, который включает стратегию убеждения и другие формы непринудительного влияния, и термином authority (власть). Феминистская теория также настаивает на том, что женщины и определяют власть, и пользуются ею иначе, чем мужчины. За последнее десятилетие были опубликованы многочисленные книги и статьи, дающие феминистскую интерпретацию политики обретения/осознания силы (politics of empowerment). Среди них работы Джудит Батлер и Джоан Скотт, Дайаны Кул, Ивы Дойчман, Анны Йонасдоттир, Мэри Карл, Дженифер Ринг, Мэри Шэнли и Карол Пейтман, Касс Санстейн и других авторов. Обретение/осознание силы в том смысле, какой этому понятию придают феминистки, означает процесс обретения угнетенными некогда личностями возможности распоряжения своими судьбами, расширения участия в делах общества и присутствия в соответствующих структурах. Следствием этого является не традиционное понимание власти как «власть над другими», или власти в виде доминирования, но понимание власти как «полномочие к», или как «компетенция». Сама же власть в руках женщин видится более кооперативной и менее конфронтационной, нежели в руках мужчин. Эта вера в иной подход в политике, присущий последним, пожалуй, является одним из наиболее часто ис-

пользуемых аргументов для отстаивания требования увеличения числа женщин на элитных политических позициях.

В то же время стала выявляться ограниченность и самой феминистской теории и феминистской практики, произрастающих из персонального опыта объединенных в свои организации белых женщин среднего класса, которые не могли аккумулировать и репрезентировать опыт всех женщин. С этой точки зрения, оказывалось, что феминистское движение также определяло содержание политики недостаточно широко, и в 1980-е гг. оно стало подвергаться критике со стороны черных феминисток за игнорирование совершенно специфического, несопоставимого ни с чем опыта потомков чернокожих рабынь, ощущавших себя «другими» не только по отношению к мужчинам (более к белым, нежели к черным), но, в очень значительной степени, по отношению к белым женщинам среднего класса. В рамках феминизма 1960-1970-х годов появилась некая обязанность говорить в качестве и от лица женщин. Но, как говорит Джудит Батлер, «любая попытка дать универсальное или специфическое содержание категории женщин, где предполагается, что этот гарант солидарности требуется заранее, обязательно приводит фракционализацию, и такая «идентичность» как отправная точка никогда не удержится в качестве основы для феминистского политического движения» [3]. Именно поэтому в начале 1980-х годов феминистское «мы» подверглось атакам цветных женщин.

Манифестирование в текстах черных феминисток «различия» в 1990-е годы стимулировало академические дебаты, приведшие к политической концептуализации понятий различия в «общем» и «сексуального различия» в Европе, которые стали чрезвычайно важными политическими в странах Европейского сообщества и особенно в контексте постколониальных исследований. Хотя корни концепции «различия» могут быть обнаружены в иерархических, исключающих способах тоталитарного мышления, не учитывание различия становится невозможным в контексте исследования идущих дезинтеграционных процессов.

В свою очередь концепция «различия» предлагает базу для плюралистического толкования одного из самых острых феминистских политических вопросов – сексуальности. Является ли гетеросексуальность обязательной принадлежностью индивида? Или она становится его необходимым атрибутом в связи с репрессией, которой подвергаются вообще сексуальность как сфера жизни человека и проявления «других» ее форм? Наличие гомосексуальных и бисексуальных мужчин и женщин свидетельствует о «различии» и множественности в проявлениях человеческой сексуальности. Но репрессивные политики со стороны государства и гомофобия общества породили феминистский ответ в виде проекта политического лесбиянизма. А борьба за права сексуальных меньшинств стала одним из центров политической программы феминизма, в этом смысле объединившегося в своих требованиях с группами не ассоциировавших себя с феминизмом сторонников сексуальных меньшинств. Геттоизированная приватная сфера сексуальности, особенно сфера репрессированной гомосексуальности вышла на уровень публичной политики, заявив о себе в текстах программ западных политических партий, доказывая, что «личное есть политическое».

Здесь должна быть сделана единственная оговорка – ведение свободных академических дебатов, открытых любым темам, свободный доступ к электронным и печатным средствам информации, т.е. наличие ключевых составляющих гражданского общества, является необходимым условием для постоянного обновления и развития часто противоречивой, заходящей в тупики теоретического поиска феминистской теории. Поэтому создание, сохранение и развитие гражданского общества для феминизма (достаточно экзотической теории для посттоталитарных обществ), является необходимым залогом. И в этом смысле политический феминизм смыкается со всеми иными политическими движениями, выступающими за развитие гражданского общества.

В связи с тем значением, которое феминистская теория придает вообще развитию демократических процессов, взаимосвязь между феминизмом и демократической концепцией гражданства стала одной из важных тем академических дебатов 1980-1990-х гг. Либеральные феминистки, требуя предоставления широкого спектра политических и гражданских прав для женщин, не бросали вызов доминирующей либеральной модели гражданства и политики, так же как рамкам политического и политической территории. Однако именно переосмысление и деконструкция последних создала основания для попыток построения такой модели гражданства и гражданской активности, которая бы инкорпорировала феминистские политики приватного, основанные на таких специфических для семьи добродетелях, как любовь, интимность и озабоченность судьбой «конкретного другого» [4, с. 113]. В частности, стоящие на материалистской позиции Джин Элштейн и Сара Раддик вслед за Карол Гиллиган, противопоставившей феминистскую «этику заботы» мужской и либеральной «этике справедливости», утверждают, что именно в женском опыте материнства следует искать новую модель гражданской активности [1; 5]. Тем не менее, подобная материалистская позиция наша противников среди самих феминисток, которые рассматривают гражданство в качестве сугубо патриархальной категории. В частности, Кэ-

Пейтман в своем, ставшей феминистской классикой «Сексуальном тракте» [6], излагает позицию наиболее остро: кто такой «гражданин»? что делает этот гражданин на арене, где он действует, коль скоро является сконструированной по мужскому типу? Хотя женщины в либеральных демократиях сейчас являются гражданками, это самое гражданство было завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых женские качества и свойства по-прежнему являются малоценными, с. 114]. Пейтман доказывает, что дискуссии в рамках теории социального контракта демонстрирует только часть истории: в основе современного патриархата и политического доминирования мужчин над женщинами лежит «сексуальный контракт», который никогда прежде не рассматривался. Является ли выходом создание дифференцированной по половому признаку модели гражданства, в которой специфические заботы мужчин и женщин будут оцениваться равным образом? Мнения расходятся. Но создание совершенно иной концепции того, что значит быть гражданином и «действовать в качестве члена демократического политического сообщества» [4, с. 117], тоже наталкивается на свои трудности.

Для анализа взаимоотношений женщин с миром политики американскими феминистскими авторами в 1970-е гг. были предложены две взаимно противостоящие друг другу концепции - «концепция маргинальности» и «концепция интеграции». Начнем со второй. Вирджиния Сапиро в своей книге «Политическая интеграция женщин», напоминает, что интеграция женщин в политическую жизнь складывается из двух элементов - из роли, которую сами женщины играют в мире политики, а также ответной роли, которую политика играет в их судьбах. (Впрочем, справедливо это и в отношении любых иных групп.) Пока правительства вовлечены в регулирование рождаемости, сексуальности, разделения труда и собственности в семье, условий, которые создают или разрушают семью, без власти в политическом мире женщины не смогут на деле обладать полной мерой власти в собственной частной жизни. Сапиро пишет, что «если бы миры феминности и политики были интегрированы, не было бы ничего особенного в участии женщин в политике или в политическом вовлечении в то, что сейчас приобрело ярлык «женские вопросы» [7]. Действительно, что являлось бы «женским вопросом», если бы частный мир семьи и общественный мир политики существовали бы нераздельно друг от друга, или если бы мужчины и женщины разделили бы в равной степени семейные и общественные заботы [7]. Концепция интеграции предлагает важнейший оправдывающий аргумент для участия женщин в политике. Но маргинальность положения женщин в обществе препятствует их вхождению в политику в широких пределах. В настоящее время женщины обладают политическими правами, но все еще не состоялись их интегрирование в мир политики: оно начинается с равнопредставленного положения внутри политических структур. Традиционно женщин убеждали, что их участие в политике в лучшем случае ограничивается голосованием на выборах. Не случайно первой американской женской политической организацией после предоставления женщинам избирательных прав стала Лига женщин-избирательниц США. Допускалось, правда, что женщины могут играть некоторую роль в гражданских делах, но лишь в пределах, затрагивающих дом и семейную жизнь. Их право работать ограничивалось должностями, ориентированными на обслуживание. С другой стороны, женщины, пытавшиеся преодолеть предписанные им роли, часто приобретали маргинальный статус. Он неминуемо развивался из конфликта, который возникал, если женщина выходила за рамки своей традиционной роли и стремилась занять определенное положение в общественной сфере. В этом случае в противоречие вступали ролевые требования, предъявляемые к обеим группам: женщинам (как «слабому» или «второму» полу) и политикам (как профессионалам, с которыми прежде всего ассоциируются мужчины, и чьи половые характеристики нивелированы). Женщины как политику требовалось отказаться от некоторых норм традиционной женской роли. В то же время мужская по своему составу политическая группа зачастую не принимала ее полностью и стремилась поставить в подчиненное положение. Конфликтующие требования различных ролевых групп приводили к тому, что женщина-политик не идентифицировалась полностью ни с одной из возможных ролей. Одним из следствий этого был отказ от политической карьеры. В конце 1990-х гг. исключение составили скандинавские и североευропейские страны Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды, которые являлись самыми феминизированными с точки зрения присутствия женщин в национальных правительствах и парламентах, и где, по-существу, состоялась их интеграция в политический мир. Так, доля женщин-министров в 1997 г. в Швеции составляла 38, в Финляндии - 36, в Дании и Норвегии - по 29% [8]. Благодаря различным типам квот, использовавшимся политическими партиями, в 1999 г. в среднем по Скандинавии доля женщин среди парламентариев составляла 38,9% [9], а улучшение положения женщин за последние 30 лет было настолько существенным, что изменилось в целом лицо политики. По отношению к этим странам стали неприменимы модели маргинализации женского общественного участия, и можно говорить о становлении общества с благоприятными для женщин условиями жизни.

Виола Клейн, выдвинувшая концепцию маргинальности, определяет ее как состояние человека, одновременно живущего в «двух разных мирах», «двух культурных системах», одна из которых в соответствии с преобладающими стандартами рассматривается как «высшая по отношению к другой» [10]. В этом смысле требования к женщинам-политикам мало чем отличаются от требований, предъявляемых остальным женщинам-профессионалам. Их тоже оценивают по двум шкалам: исходя из их соответствия двум стандартам - феминности и политики. Последний является высшим по отношению к первому; для соответствия ему требуется исключить черты феминности. Женщины, пытаясь соответствовать обоим стандартам, выполняли двойную работу, и поэтому так мало их достигает политических высот. И хотя они постепенно прокладывают дорогу к руководящим областям, их количество в высших эшелонах власти по-прежнему очень невелико. Женщины составили к 2000 г. в среднем только 12,8% от состава национальных парламентов почти всех демократических государств [9]. В целом они занимают только 7% министерских должностей, ведя в основном социальную сферу, включая образование, здоровье, семью. Общая доля женщин-министров, которые занимаются социальными вопросами, составляет в мире в среднем 14%, в то время как на политических министерских должностях женщин - 3%, и экономических - 4% [8]. Легко перечислить всех женщин, которые в разное время были избраны президентами или стали главами правительств на протяжении XX в. Они весьма слабо представлены в руководстве политических партий, которые остаются корпоративными мужскими клубами, куда женщины допускаются преимущественно для обеспечения вспомогательных ролей. Например, они рассматриваются в качестве необходимых помощников в период избирательных кампаний для организации поддержки мужчин-кандидатов. Лига женщин-избирательниц и Национальная федерация республиканских женщин в США являются моделями таких групп поддержки для мужчин на выборах. Аналогичную роль играют женщины, заседающие в селекционных комитетах Консервативной партии в Великобритании. Сферы политической деятельности, которые доверяются женщинам, в обществе оцениваются как второстепенные. Предполагается, что женщина и в политике будет воспроизводить традиционно женскую роль - социальную защиты. Вопросы семьи, материнства и детства являются основными предметами политической деятельности женщин, таким образом, гендерное «предназначение» воспроизводится и на политическом уровне.

В широком смысле маргинальность стала рассматриваться феминистской теорией в качестве контекста существования, в котором находятся не только женщины, но и вообще все те, кто страдает от несправедливости, неравенства и эксплуатации. Целые группы населения, независимо от их численности, оказываются невидимыми из-за отсутствия возможности транслировать свою точку зрения, а в политическом смысле находятся в положении ущемленного меньшинства. Люди оказываются в состоянии маргиналов не только из-за общественного неравенства и несправедливого распределения материальных ресурсов, но также из-за самой организации структуры познания, в которой взгляды одной группы людей репрезентируются в качестве объективных, в качестве «правды» [11]. В данном контексте носителями «истины» предстают мужчины, к взглядам которых должны адаптировать свое поведение женщины.

Тем не менее, к 1990-м гг. в мире в целом стало расти понимание необходимости переоценки системы ценностей и перенесения запресов прежде «неинтересных» для общества групп (женщин, инвалидов, детей, пожилых людей, инфицированных вирусом иммунодефицита) центральное русло общественной политики. Простые подсчеты показывают, что «нормальные» группы составляют незначительное меньшинство в обществе, а группы со специальными нуждами абсолютно доминируют, и на протяжении жизни каждый человек - и мужчина, и женщина оказывается членом одной из таких групп. Поэтому стал актуальным ресмотр политики в отношении широкого комплекса проблем, который традиционно характеризовался в качестве женских и раньше только к разряду вторичных. Политическая же активизация «пассивных» «незаметных» прежде групп, в том числе женщин, поставила вопрос их реальному влиянию на процессы принятия решений.

Литература

1. Elshain Jean. Public Man, Private Woman. - Princeton: Princeton University Press, 1989.
2. Ruddick Sara. Maternal Thinking. - London: Verso, 1989.
3. Millett, Kate. S Politics. - London: Abacus, 1972. P. 23.
4. Батлер Джудит. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Гендерные исследования 1999, № 3. С. 101.
5. Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования, 1999, № 3.
6. Ruddick Sara. *Me Thinking*. - London: Verso, 1989.
7. Pateman Carole. *The Sexual Contract*. - Stanford University Press, 1988.
8. Sapiro Virginia. *The Political Integration of Women*. - Urbana, etc.: University of Illinois Press, 1984. P. 7.
9. Progress of Nations, 1 Geneva: Inter-Parliamentary Union, 1997.
10. Women in National Parliaments. Si as of 5 December 1999. - Geneva: Inter-Parliamentary Union, 1999.
11. Kleir The Feminist Character: A History of Ideology. - Urbana: University of Illinois Press, 1972. P.171.
12. Kirbi Sandra L. and Kate McKenna. Experience. *Research Change. Methods from the Margins*. - Toronto: Garamond Press, 1989. P. 33.